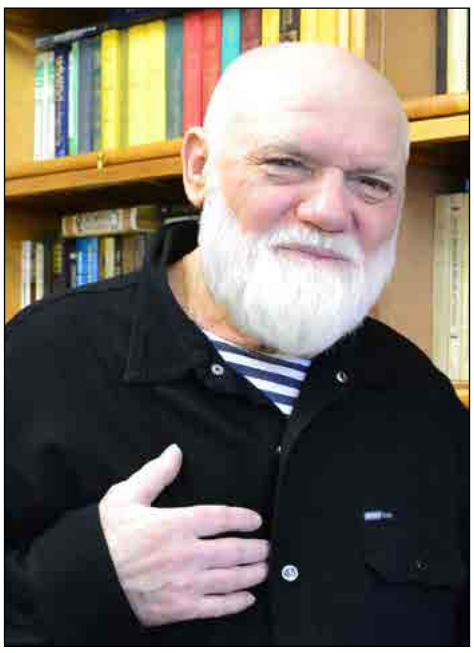
ПРОЗА



Виктор СЛИПЕНЧУК

Братья

Эссе

Мой старший брат Владимир начинал с юнги Курильской китобойной флотилии. Он убежал из дома, и мы с Эдькой, средним братом, искали Вовку на чердаках колхозных амбаров и конюшен. Мы искали, а он катил в ящике под вагонами в город Владивосток.

Он приехал через год в тёмно-синей фланельке, в брюках клёш с золочёной бляхой широкого ремня, поющего славу морской тельняшке. Деревянный сундучок, закрытый на гвоздь, оттягивал руку, будто ведро с водой.

– Это наш Вовка, – волнуясь, сказал Эдька.

– Это наш Вовка, – глотая воздух, повторил я.

С крыши сарая мы давно заметили этого чудесного человека, а теперь узнали его. Этот чудесный человек – наш брат. Мир изменился. На яблоне сидели толстоклювы, они внимательно смотрели на Вовку. Корова паслась на кукурузной грядке, понимая, что нам не до неё. Позвякивая цепью, вылез из конуры пёс, потянулся, подошёл к плетню и замер. Строгий хвост вытянулся и медленно, потом все быстрее и быстрее затанцевал. Вовка поставил сундучок, и Эдька приказал:

– Вытащи из плетня палку!

Я сразу понял, для чего. Он прыгнул с крыши, и я, закрыв глаза, тоже прыгнул. Я бежал с длинной, цепляющейся за рытвины палкой, и Эдька опередил меня. Вовка схватил Эдьку и дал ему по шее, потом, наконец, и мне досталось. Эдька вырывал палку, но я, конечно, не давал. Тогда вмешался Вовка. Переломил её через колено, и мы с Эдькой понесли сундучок на палке. Джек метался по двору, о нём забыли. Вовка сам подошёл к нему, и Джек лизнул его прямо в лицо.

– Узнал, – строго сказал Вовка, он теперь был очень строгим.

Сняв ржавый гвоздь, открыл сундучок. Сундучок был набит жирной тихоокеанской селёдкой. Джек из рук съел селедку.

– Это свежая селёдка, не солёная.

Мы с Эдькой удивились тому, что селёдка бывает несолёной. Вовка улыбнулся и посмотрел поверх нас как-то очень далеко. Можно умереть и воскреснуть, когда у тебя есть брат, умеющий смотреть так далеко.

– Мать и отец на работе?

– На работе, – подтвердили мы в один голос.

– А корова где?

– Ух!..

Мы понеслись в огород. Рванув напоследок несколько стеблей, корова пошла по меже к оврагу, даже не взглянув на нас. «Нужна мне ваша кукуруза…» Корова важничала.

Мы расспрашивали Вовку:

– Неужели и берегов не видно?

– Не видно.

Он достал костяную пластинку, будто спрессованную из стальных проволочек, которые в конце разъединялись в неровную кисточку.

– Китовый ус. Не весь, конечно.

– И всюду одна вода, и каждый день вода? – спросил Эдька.

– И всюду одна вода, – ответил брат, и опять посмотрел поверх нас, и опять улыбнулся загадочно, так что мы и не поверили, будто всюду и каждый день вода и вода.

Что-то ещё, но брат не говорит нам, и мы понимали: не скажет – это тайна.

О том, что наша жизнь кому-то из далёкого далека тоже видится таинственной, нам не думалось и не думается. Всё наше – с нами, сказки и притчи – это не про нас.

* * *

Жили-были старик со старухою. Было у них три сына, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Как стали сыновья на возрасте, сказал старик:

– Мать, собирай в дорогу, раз такие они удальцы, пущай об них государство думает. Выкормил их, выпоил, нет моих силов больше на эту удаль смотреть. Пущай добрые люди поглядят, может, там-то, на людях, не раз мать да отца добрым словом вспомянут.

– Опомнись, председателя попроси, он им быстро применение найдёт. – Старуха думала, начинается обычная свара.

– Найдёт?!

Старик аж крякнул с досады, с председателем он уже толковал. «…Нет у меня им применения, от их удали весь колхоз ходуном ходит, или я здесь, или они. Слыханное ли дело? Клуб за ночь построить, терем-теремок. Из какого материала теперь коровник прикажешь строить?»

– Какой лес стратили!..

Старик по привычке потянулся за вожжами, передумал, только в сердцах ногой топнул. Опечалились сыновья, поняли: всё, нынче отец с председателем заодно, надо собираться, отгуляли по родным лесам и лугам, по родимой околице. Другая жизнь ждёт. Какая она?

Старуха – в слёзы, тоже всё поняла. Забилась, затрепетала материнская душа.

– Да пошто это всех сразу? Ладно, эти постарше, а этого-то куда, малец совсем… Хорошо, коль в институт возьмут, а не возьмут, тада что?

– Малец! – взъерепенился старик. – Брёвна таскать – так не малец… Всех собирай!

Пришли братья на узловую станцию, никто их не провожал. Дорога к станции одна, возле нового клуба.

Потому и сказал отец: «Мы из-за вас страмиться не будем, натворили – сами расхлёбывайте». У крыльца расцеловались. «Поженитесь, – всхлипывала мать, – невесток привозите, в них ваша удача, потому как неприспособленные вы к нормальной жизни». Отец расчувствовался, пряча слезу, крутнул глазом. И всё повторял: «…Мать слушайте, мать слушайте!..» Будто не они уезжали, а он на свою распроклятую лесозаготовку.

Сидят братья на станции, кручинятся, не хочется им расставаться, но и ослушаться не смеют: дорого родительское благословение.

– Поеду я в город Владивосток, – сказал старший. – Мореходом стану, заморские страны посмотрю, а хватит силёнок – многие корабли по океанам водить буду.

– Это хорошо, – согласились братья. – Отродясь в нашей деревне мореходов не было.

Подошёл пассажирский поезд, встал старший, а младший-то и к нему:

– Возьми меня, брат, с собой: не знаю я, кем мне быть.

Хочется старшему взять его с собой, но и перед средним братом совестно, останется тот один, да и кто знает, что ждёт во Владивостоке.

– Нет, – сказал он. – Потом приедешь, зорче посмотри вокруг, попытайся сам применение себе найти.

Только и услышал младший: «…зорче посмотри вокруг…», остальное заглушил поезд. Уехал старший брат.

– Пожалуй, поеду я в Новосибирск, в Академгородок, – сказал средний. – Физик-ядерник – это как, неплохо?

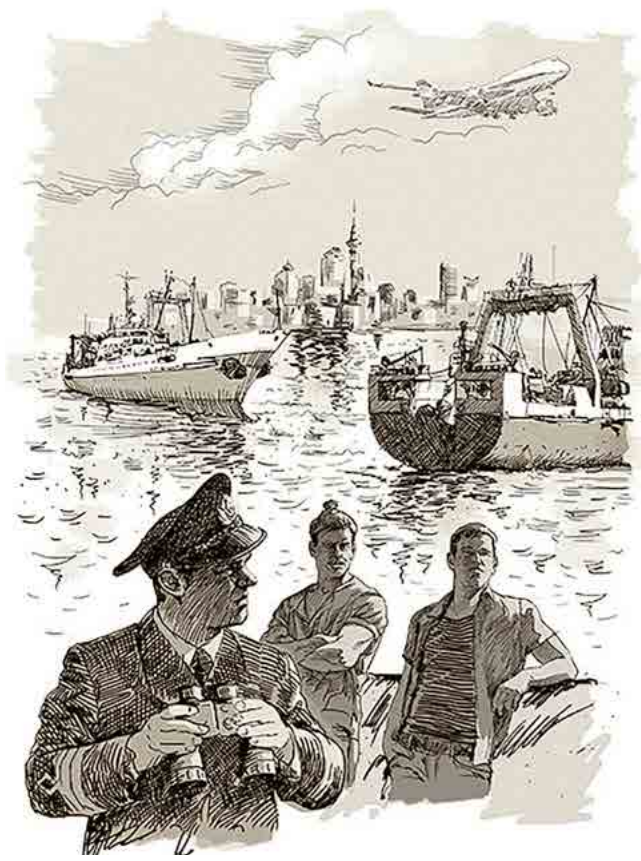
– Очень даже хорошо это, отродясь не было в нашей деревне физиков, притом еще ядерников.

– Хватит силёнок – солнечные спутники, как зайчиков, запускать буду.

– Брат, возьми меня с собой! Не знаю я: кем мне быть?

Но и средний не взял. Хотелось, конечно, но не взял, успел только крикнуть с вагонной площадки: «Потом приедешь, зорче посмотри вокруг…» И уехал.

Уехали братья – до того одиноко младшему стало, до того кручинушка им завладела, что не то что там зорче, а вообще не хотелось глядеть ни на что. Подошел поезд – запрыгнул на подножку,



не посмотрел даже: куда, что? Всё одно, сам не знает. А поезд-то оказался не простой, не пассажирский, то был товарняк. И как началось оно сразу через пень-колоду, так и пошло у младшего, так и пошло. Нигде не останавливался его поезд. Всю огромную страну вдоль и поперёк исколесил. А годы-то шли.

«Старший стал капитаном дальнего плавания, средний, – говаривал старик, он теперь в клубе сторожем работал, – спутники делает». – «А младший-то, младший?» – особливо докучали пионеры, они бухгалтерию открыли на знаменитостей, чтобы, значит, через них родную деревню горячее любить. «Эх, идрит твою!..» – вскипал старик, но, спохватившись, тут же замолкал – дети. Шибко обижала его нынешняя затея – любить обязательно через что-то. «А кабы не было этого «что-то»?.. Не пойму я их», – сокрушался старик перед старухой, но пионерам отвечал обстоятельно: имел уважение к детской просьбе. «За Ваню ничего не знаю. То с Братска, то с Казахстана, то с Латвии, то с Белоруссии, а это, по землетрясению, с Ташкента письмо прислал. Туман наводит: «Греюсь у костра многих народов». Старик начинал закипать. «При детях-то!» – осаживала старуха. Старик сдавался, подавлял выражения. «И то верно, сами виноваты – младший, баловали».

Долго ли, коротко… Женились сыновья. Надумали под Новый год стариков попроведать, родительское благословение на дальнейшую жизнь испросить, заодно и жёны пусть промеж собой познакомятся, теперь все свои – родня.

Приехали в один день, так совпало. Старший – утром, на такси. Средний – в обед, на чёрной районной «Волге», местное начальство побеспокоилось. А младший – пополудни, на одноконной подводе.

Солнце, тихо, морозная пыльца поблёскивает, полозья поскрипывают.

Мог, конечно, и младший на такси, но встретился дед Тимоха, захотелось как встарь, да и Дуняше было любопытно, на машине-то многого не усмотришь, а главное, течения воздуха лесного не услышишь. «Ага, во-он ваш «теремок», – обрадовалась она. И так это они засмеялись с Ваняткой, что и дед Тимоха вроде как бы годы отринул, отозвался: «Оный, оный!»

По рассказам Ванятки Дуняша знала деревню. Не раз мысленно, словно по щучьему велению, летала в неё и сейчас ориентировалась легко, свободно, точно сама выросла в ней. Потому и чувство было у неё такое, будто она здесь уже когда-то была. Странно это: не была, а была.

Встретились так: открывает Ванятка дверь в избу, а там всё скворчит, шипит, пар до потолка, подготовка к застолью идёт.

– Батя, принимай пополнение!

Ванятка здоровый, яко богатырь, загородил дверь, Дуняшки и не видно за ним. Она торопится себя в порядок привести, платок сорвала, волосы отряхнула, да рази ж их отряхнёшь как следует… Скорей в сумочку за зеркальцем – не нашла; а тут уже и её черед, разволновалась. Жёны-то братьев красавицы: платья в мехах, в заморских ожерельях, глядят на неё, а Дуняша уже и видеть всё перестала. Ступила два шага, а сумочка-то ненадёжная была, студенческая, ах ты горе какое – оборвался ремешок, упала сумочка. Споткнулась об неё Дуняша и совсем смутилась. Улыбается так жалобно-жалобно, вроде как бы чего-то она просит у всех и ищет, ищет… А Ванятка-то вот он, рядом:

– Да ты что, Дуняша?!

Припала она к нему в сереньком пальтеце и задрожала, задрожала вся.

– Да что же это ты, Дуняша, дома-то небось мы… Евдокия Ивановна, дома!

И ничего особенного не сказал Ванятка, а сдвинулось что-то в старике. Крутнул глазом.

– Эх, идрит твою, – махнул рукой. – Удача тебе, Иван, удача!

Старуха тоже нутром вздрогнула, фартук к глазам поднесла. А Ванятка всё увещевает, увещевает…

– Да от радости я это, Ваня, от радости, – как бы уже и осердясь, смахнула платком слезу Дуняша и крепко-крепко обняла старуху, как исстари и обнимают у нас, на Руси, только мать.

ОТ АВТОРА

В этом году в издательстве «Эксмо» вышла моя книга «Просверк клинка», которую подготовила к изданию моя жена Галина Слипенчук (в девичестве Южанина). Факт с её студенческой сумочкой имел место быть. Отсюда и выбор предлагаемых «Литгазете» страниц – узелок на светлую память о её редакторской работе.

КРЫМ, пгт Черноморское.
13.08.2016